

Что такое СТИЛЬ?

Не знаю, как это получается, но довольно часто мне удается определить, какому художнику принадлежит картина, которую я вижу впервые.

Конечно, иногда можно сформулировать те признаки, которые позволяют это сделать, но чаще – это недоступно моим словесным определениям.

Безошибочно определяется Рубенс. Даже не по пышным телам его героинь, а по совершенно особому цвету белой кожи с румянцем. Уже в эскизах этот цвет присутствует. Рубенс "передал" этот цвет одному из лучших своих учеников - Иордансу, тот сделал уже свой, усиленный – по сравнению с Рубенсом - здоровый крестьянский румянец, тоже надежно узнаваемый. У другого великого ученика Рубенса, у Ван Дейка, специализировавшегося на портретах отпрысков древа Габсбургов, тоже есть этот цвет, но сглаженный бледностью ланит вырождающегося рода.

Такой же цвет - розовые кончики пальцев у прелестниц - потом появился у Буше. Но манерность эпигона доводит иногда до омерзения находки гения. Впрочем, есть поистине замечательная головка Буше – портрет девушки в Пушкинском музее в Москве, не гривуазный, на продажу, а восторженно мягкий, влюбленный. Здесь краски Буше чем-то близки к Рубенсу. Похоже, что властитель салонов действительно видел краски, как Рубенс, но в отличие от своего великого предшественника по колориту, в погоне за успехом, усиливая, как ему казалось, успех, терял то, на чем этот успех был основан. Буше, и правда, соединил жизненную естественность сюжетов Ватто с естественностью жизненной краски плоти. Соединил, усилил – и утратил и то и другое. Но это – к слову.

Веронезе нельзя спутать ни с кем из-за его зелено-голубой краски неба. Впрочем, похожая краска у Тинторетто, только мрачнее. Гигантские полотна Тьеполо обычно очень насыщены фигурами, а краски неярки, под сурдинку. Тоже "краски под сурдинку" у Пуссена. Но у него, в отличие от Тьеполо, огромный простор и маленькие фигуры. Даже гениальная "Венера", занимающая все воображение, не занимает и четверти плоскости холста. А "Битва израильтян с амореянами", целиком заполненная фигурами – тоже производит впечатление просторной, потому, наверное, что ВСЯ плоскость однородна...

Это первым сделал Рафаэль в Сикстинской Мадонне. Там фон – головки ангелов, почти как облака... Потом это делал Филонов – простор, однородно заполненный лицами...

Что такое стиль художника?

Когда-то я водил моего восьмилетнего сына по Эрмитажу. Ах как я старался, ах как я хотел, чтобы ему это стало интересным. Три дня подряд, по несколько часов я потчевал его разными реминисценциями и завываниями восторга... Чаще всего он даже не смотрел на картину, о которой я в тот момент говорил. Я одергивал его и стыдил, я старался, старался, старался, но ничего кроме скуки не обнаруживал на смышленной мордашке.

Я был не просто раздражен, я был обескуражен...

И вот в последний день, проведенный с тем же успехом моих экскурсов, мы отправляемся к выходу. Смирившись с поражением, я скорее по инерции, чем надеясь на что-то, останавливаю сына возле некой гравюры и спрашиваю: "Как ты думаешь, кто это нарисовал?" И слышу: "Рембрант". Я и сейчас помню, как по моей спине пробежал холодок. "Кто?" - переспрашиваю. "Рембрант!" "Почему ты так думаешь?" "Не знаю. Похоже. Видишь, они все в чалмах. Это **ОРИЕНТАЛИСТСКИЙ** - так и сказал, **ОРИЕНТАЛИСТСКИЙ** - мотив". Мы стояли у офорта Питера Ластмана, учителя Рембранта... Я был счастлив. Потом мы еще час бродили по Эрмитажу. Входим в зал. "Это малые голландцы" - **МАЛЫЕ**, говорит стервец, **МАЛЫЕ** голландцы! "Рубенс" - безошибочно. Еще что-то. Еще что-то. Я счастлив тем часом до сих пор.

Но КАК распознается СТИЛЬ? Я не знаю этого поныне.

Я в очень известном и очень богатом провинциальном музее. Две картины Франса Гальса. Но я-то ЗНАЮ, что это НЕ Гальс! Иду в научную комнату музея. Стайка очень милых и приветливых сотрудниц. Рассказываю, что я большой любитель... Что в этом музее впервые... Что восхищен коллекцией, такую бы и в столицах не стыдно... Мои собеседницы кайфуют, будто я делаю комплименты их девичьим прелестям. Я уже выбрал самую симпатичную из стайки. Спрашиваю, можно ли узнать поподробнее... Да, конечно!.. О нескольких картинах... Конечно, с удовольствием! – девушкам и в самом деле скучно в пыльном музее в разгар лета на берегу теплого моря. "Девочки, скажите, есть ли атрибуция у тех двух Гальсов?" Милая стайка разлетелась по углам, как цыплята от коршуна. В мгновение ока каждая оказалась за письменным столом и каждая стала деловито перебирать бумаги...

Что я сделал так неосторожно? Чем спугнул милую пташку, которую уже намеревался пригласить на пляж, чтобы продолжить беседу об искусстве на пленэре? И что мне делать теперь... Просто выйти – как-то неинтеллигентно, да и цыпленок такой пушистый...

Наконец, мой храбрый цыпленок пискнул: "Вы из Москвы?" Нет-нет! "Вы занимаетесь поздними Нидерландами?" Нет-нет, что вы, я просто... "Ваша фамилия NN?" Нет! Нет! - Я понимал, что мне никто не верит. "Вам нужно пройти к главному смотрителю. К Василию Васильевичу. Выйдете из нашей комнаты, и направо". Я пытался объяснить, что главный смотритель Василий мне совершенно не нужен и что я буду вполне удовлетворен компетентностью очаровательных младших смотрительниц храма. Тщетно! Даже мой самый пушистый цыпленок, глазки которого еще три минуты назад так кокетливо-доверчиво встречали мой взгляд, теперь нахохлился и стал официально неприступным. Я вышел и повернул направо.

Василий Васильевич, симпатичный мужик лет пятидесяти, скорее не коршун, а петух (я его понимал, какого черта парить в небе, когда такая стайка в своем курятнике) никак не мог взять в толк, чего же я хочу. Он тоже сделал стойку на упоминание о Гальсе, но когда понял, что я просто ЛЮБИТЕЛЬ ЖИВОПИСИ, расхохотался громко и искренне, вытащил из сейфа коньяк – благо, в те времена это было недорого – и объяснил мне все.

"Неужели вы думаете, мы не догадываемся, что наши Гальсы в лучшем случае, как говорят, "Круга Гальса"?" Я стал поспешно уверять, что у меня нет никаких аргументов, и что картины на самом деле великолепны (и это было искренне, поверьте)... И тогда я услышал комплимент, который вспоминаю всегда, когда мне хочется хоть чем-то скрасить мой скепсис по отношению к самому себе. Этот скепсис посещает меня часто, и поэтому рассказ, столь часто перешлифованный, сохранил очень немного достоверных деталей.

Главный Смотритель Сказал (серьезно сказал, НЕ ШУТОЧНО!!): - В первый раз вижу человека, ТАК угадывающего СТИЛЬ.

Запомнил навсегда. И горжусь.

А дело было в том, что одна из научных дам, с которыми я познакомился, за четыре года до того жаркого лета, когда я задал столь неуместный вопрос, защитила диссертацию, где пресловутые два полотна оказались замечательно созвучны той тенденции, которая прослеживалась у Гальса именно в этом его возрасте. Все так здорово складывалось, что никто - ни диссертант, ни другие специалисты - даже подумать не могли, что это НЕ Гальс. И это было правдиво и совершенно искренне, не сомневаюсь ни на минуту.

Что делает с нами порою искренняя убежденность!

Девушка стала кандидатом искусствоведения. И вдруг, в каком-то западном журнале появилась статья о Гальсе. С иллюстрациями. Оригиналы двух портретов, о которых идет речь, находятся, оказывается, во Франции. И значит, в нашем музее - копии... Об этом моим знакомым сообщил маститый искусствовед NN из Москвы (ведь в те времена только в Ленинской библиотеке и можно было увидеть зарубежные художественные журналы). Они подумали, что я и есть NN из Москвы.

Я предупредил Василия Васильевича, что завтра к концу рабочего дня я снова посету музей с парой бутылок коньяка и с шампанским.

Можете мне поверить, что не только любовь к искусству заставляла меня постоянно поглядывать на часы в ожидании окончания работы музея.

Вся стайка была в сборе. Все щебетали. И глазки пушистого цыпленка снова были доверчивы и призывны.

Вот что такое СТИЛЬ.

Что же такое СТИЛЬ?

До сих пор не могу дать определение.